

ПОКА
СВЕТИТ
СОЛНЦЕ

АРТЕМ СТРЕЛЕЦ

Артем Стрелец

Пока светит солнце

<https://litres.ru/74144908>

SelfPub; 2026

Аннотация

В кабинете всегда был один стул.

Тех, кого приводили, называли по порядку: человек номер один, человек номер два, человек номер три.

Имена здесь только мешали.

Он задавал вопросы, слушал ответы и принимал решения, после которых люди уходили живыми.

Иногда этого было хуже, чем смерть.

Им оставляли дома, лица, привычки и отдельные воспоминания.

Но связь исчезала.

Так работает Стирание.

Что остаётся от народа, если люди живы, а прошлое уже запрещено?

Можно ли уничтожить страну после того, как война уже закончилась?

И почему девочка, которую однажды привели в кабинет, смотрела на него так, будто знала ответы раньше, чем он успевал задать вопросы?

Стиратель всегда принимает решение после одного допроса.

На этот раз он назначил второй.

Содержание

Глава 1 - Солдат	5
Глава 2 - Женщина	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Артем Стрелец

Пока светит солнце

Глава 1 - Солдат

Кабинет был слишком мал даже для двух человек и к тому же пропах старым сигаретным дымом, который вьелся в бетонные стены, потолок и тяжёлую деревянную дверь так глубоко, что его уже не могла вытянуть никакая вентиляция. В центре стоял металлический стол, освещённый двумя жёсткими лампами, а с противоположной стороны находился единственный стул, предназначенный для того, кого сюда приводили.

Ему стул не требовался.

Камер в кабинете не было видно.

И этого хватало.

Сканеры давно умели прятать в стены, лампы и даже в столешницу, но стоявший у стола почти ими не пользовался. Машина видела пульс. Он видел паузу перед ложью. Машина считала влажность кожи. Он замечал, как человек смотрит на дверь раньше, чем отвечает.

Поэтому в комнате оставили только стол, стул, две лампы и плохой воздух.

Остальное делал он.

Сидеть он не любил, потому что в таком положении тело постепенно расслаблялось, а вместе с ним притуплялось и внимание. Он давно заметил, что голова человека всегда должна находиться там же, куда направлен его взгляд, иначе мысли начинают блуждать, цепляться за ненужные детали и подменять наблюдение догадками. Этому правилу он следовал много лет и ещё ни разу не позволил себе от него отступить.

Он не курил, почти не пил и не пользовался стимуляторами. Не из осторожности.

Привычки мешали наблюдать.

Табак оставлял во рту свой вкус. Спирт менял терпение. Стимуляторы делали мысли быстрее, но грубее. Даже кофе давал телу лишний ритм, а он не любил, когда тело начинало подсказывать голове, что делать.

Поэтому дым, стоявший в кабинете, предназначался для тех, кого приводили.

Не потому, что на него самого он не действовал. Действовал. Резал глаза, сушил горло, оседал на языке горькой плёнкой. Но он знал, как дышать редко, как не сглатывать слишком часто и где стоять, чтобы не ловить самый густой слой. К тому же он входил сюда готовым и мог выйти в любую минуту.

Тот, кто сидел на стуле, — нет.

Через час он начинал хуже соображать. Через два ему становилось трудно удерживать одну мысль. Потом он уже не

понимал, что именно заставляет его говорить больше, чем следовало.

Никаких запрещённых веществ, никакого прямого давления и никаких следов на теле.

Только плохой воздух и время.

Он предпочитал называть происходящее беседой, потому что слово «допрос» казалось ему слишком грубым и неточным. Он не требовал признаний, не заставлял выдавать сообщников и не пытался узнать расположение тайников. Его интересовало не то, что человек сделал, а то, почему он считал свой поступок правильным.

Он задавал вопросы, слушал ответы, отмечал противоречия, а потом принимал решение.

Решение, которое могло стоять целой нации существования.

Не убить людей. Это было бы проще.

Оставить им лица, дома, привычки, отдельные воспоминания — и вынуть из всего этого связь. Сделать так, чтобы человек что-то чувствовал, но не мог понять, откуда взялась эта боль и к чему она ведёт.

Он не считал это лёгким. Но точность приносила удовлетворение.

Мир вокруг всегда был шумным, липким и нечестным, а здесь после долгой беседы оставалась только одна линия: резать или нет.

Но до этой линии ещё нужно было добраться.

Она редко лежала на поверхности.

Каждый, кого приводили сюда, пытался склонить его на свою сторону. Один говорил о справедливости, другой о долге, третий о детях и памяти предков. Некоторые угрожали, другие просили, а кто-то просто молчал, надеясь, что отсутствие ответа сможет изменить итог.

Не сможет.

Смерть этим людям не грозила.

В новом мире она считалась грубой работой. Человека можно было убить, но вместе с ним не умирала та внутренняя связь, ради которой он называл чужих своими, а себя — частью чего-то большего.

Поэтому существовало Стирание.

Оно не забирало всё. Так не работало. Лица оставались. Улицы оставались. Песни могли всплывать в памяти обрывками, запахи — возвращать детство, старые слова — застревать на языке.

Исчезало другое.

То, что связывало всё это в одно.

Для многих это было хуже смерти.

Но Стирание не начиналось в лабораториях и не заканчивалось в архивах. Сначала кто-то должен был решить, где именно проходит разрез.

Таких людей было немного.

Человек у стола принадлежал к ним.

Он был высокий, сухой, почти полностью седой. Возраст

определить было трудно. Узкое лицо, нос с горбинкой, серые глаза под тяжёлыми веками. Не старик. Не военный. Человек, который давно перестал ждать от мира новых ошибок.

В одежде он придерживался той же строгости, что и в работе. Серый костюм сидел на нём безупречно, не выделяясь ни дорогой тканью, ни необычным кроем. На его месте многие носили форму, знаки отличия или государственные цвета, но он избегал всего, что могло вызвать у приведённого лишнюю реакцию.

Ему требовались ответы, а не ненависть к мундиру.

Снаружи слышались тяжёлые шаги, один из которых постоянно сбивался, будто человек в коридоре не мог нормально опереться на ногу. Затем загредел засов, и старая створка медленно открылась, протяжно скрипнув на петлях. Человеку у стола нравилась эта дверь. Она выглядела так, будто пережила несколько войн и множество людей, которые проходили через неё в одну сторону. В мире бесшумных шлюзов и магнитных замков она оставалась напоминанием о времени, когда для заключения человека хватало дерева, железа и ключа.

В кабинет вошли двое конвойных, поддерживавших между собой мужчину в разорванной военной форме. Оружия у них не было, потому что внутри здания оно не требовалось, а тот, кого они привели, уже едва держался на ногах.

Первыми почти всегда приводили военных.

Так было удобнее. В них легче всего читалась война. Не

в сводках, не в приказах и не в вычищенных отчётах, где каждое слово заранее помыли и поставили на место, а в том, как человек переносил боль, куда смотрел, когда входил в комнату, и что пытался сохранить в себе после того, как у него уже отняли оружие.

Обычно это были командиры. Иногда штабные. Реже — те, кто подписывал приказы и потом уверял, что только передавал чужую волю дальше.

Этот был не из таких.

Он понял это сразу.

Не генерал, не полковник и даже не полевой командир. Слишком грязная форма, слишком дешёвые ботинки, слишком грубо сшитый китель. На нём не было той осторожной важности, которую люди власти сохраняют даже с разбитым лицом. Этот не привык, чтобы перед ним вставали. Этот сам вставал, когда кричали.

Солдат.

Простой, злой, избитый и ещё не сломанный.

Его усадили на стул, поправили левую руку, чтобы та не свисала до пола, после чего конвойные коротко кивнули и вышли. Дверь закрылась с тяжёлым щелчком, а засов вернулся на место.

Мужчина остался сидеть под лампами, щурясь от яркого света и тяжело втягивая пропитанный дымом воздух. Мокрые волосы торчали в стороны, форменный китель был разорван у плеча и покрыт засохшей грязью, а один рукав потем-

нел от крови. На правой ноге оставался армейский ботинок, тогда как на левую кто-то натянул гражданский, явно слишком большой.

Лицо выглядело ещё хуже. Губа была рассечена, на скуле наливался тёмный синяк, над бровью тянулся свежий шов, сделанный грубо, но надёжно. Одно ухо распухло, подбородок был испачкан засохшей кровью, и определить, кому именно она принадлежала, уже не представлялось возможным.

Можно было решить, что его избили после пленения.

Он знал, что это не так.

Перед каждой беседой ему давали короткую сводку. Не имя, не историю и не подробности, способные заранее испортить наблюдение. Только то, что могло повлиять на безопасность в кабинете.

Этот сопротивлялся при доставке.

Пытался вырваться, ударил двоих конвойных и почти добрался до аварийного шлюза

Он не надеялся сбежать.

Просто хотел умереть раньше, чем у него отнимут право называться тем, кем он был.

Солдат медленно поднял голову и осмотрел кабинет. Сначала стены, затем стол, лампы и только после этого дверь. Все смотрели на неё одинаково, независимо от возраста, звания и того, насколько уверенно держались снаружи.

Стоявший у стола позволил ему закончить осмотр, не то-

ропя и не задавая вопросов.

С губы пленного сорвалась капля крови и упала на стол. Металл почти сразу втянул её в себя, провёл анализ и передал данные в закрытую систему. Даже здесь технологии никуда не исчезли, просто их не выставляли напоказ.

Солдат заметил, как пятно медленно растворилось в матовой поверхности.

— Значит, всё-таки записываете, — хрипло сказал он.

Человек у стола Взгляд пленного был мутным от усталости и боли, но внутри всё ещё оставалось что-то твёрдое, не похожее на надежду.

Скорее злость.

Она обычно держалась дольше всего.

— Добрый день, человек номер один, — произнёс Стиратель.

Его голос звучал спокойно и ровно, без угрозы и без сочувствия, словно он собирался зачитать обычный служебный протокол.

Обозначение не было порядковым номером заключённого. Так называли первого представителя нации, выбранного для решающей беседы. Его имя уже удалили из документов, доступных Стирателю, а звание, место рождения и подразделение оставались в закрытом приложении.

С этого момента человек переставал быть личностью и становился образцом.

Пленный снова промолчал. На стол упала ещё одна кап-

ля крови, и поверхность поглотила её так же быстро, как первую.

Стиратель не торопился. Он знал, что рано или поздно отвечают все, потому что каждый человек, даже понимающий бесполезность разговора, всё равно хочет оставить после себя хотя бы несколько слов.

Особенно тот, у кого собирались отнять всё остальное.

Правая ладонь медленно прошлась по разбитой губе. Кровь размазалась по коже, но мужчина даже не посмотрел на неё.

— У меня есть имя.

— Было.

Несколько секунд он смотрел на Стирателя, не моргая. Потом втянул кровь и сплюнул на пол.

— Сука.

Ответа не последовало.

Ругательства почти всегда появлялись в первые минуты. Одни произносили их с ненавистью, другие — от страха, третьи использовали как единственное, что у них ещё не успели отобрать.

В этом человеке страха пока было мало. Боль, усталость, злость и вполне понятное желание ударить стоящего перед ним — всё это было.

Страха почти не было.

Он не считал отсутствие страха достоинством. Чаще оно означало, что человек ещё не до конца понял, где оказался.

— Вы знаете, зачем вас привели?

— Поболтать.

Голос у солдата был низким и хриплым. Каждое слово давалось с усилием, но он старался этого не показывать. Сидел, широко расставив ноги, и чуть подавался вперед, словно стул был не единственным, что удерживало его от броска.

— Тогда поговорим.

— А если не хочу?

— Уже говорите.

Военный дёрнул щекой. Стиратель заметил, как правая ладонь сжалась в кулак, а затем разжалась. Пальцы слушались плохо. Два были повреждены, возможно сломаны, но это его не останавливало. Он прикидывал расстояние до стола, положение Стирателя и то, успеет ли подняться раньше, чем тело откажет.

Не успеет.

Человек, напротив, знал это и потому не отходил дальше. Он никогда не прятался за столом и не держался у двери. Человек должен был видеть, что между ними нет ничего, кроме нескольких шагов. Это злило сильнее любого оружия.

— Ваше имя больше не имеет значения, — сказал он. — Мне нужны ответы.

— Так спроси нормально.

— Почему вы пошли на войну?

Солдат фыркнул и тут же поморщился, когда боль отозвалась в разбитом носу.

— Приказали.

— Кто?

— Командир.

— А ему?

— Его командир.

— И так до самого верха?

— Сам догадался.

Стиратель слегка наклонил голову. Ответ был привычным. В первые минуты военные почти всегда прятались за приказом, потому что приказ позволял не объяснять собственные действия. Позже начинались уточнения. Потом появлялись имена, лица, обиды и причины, о которых человек не хотел говорить вначале.

Ему не нужно было торопить.

— Вы могли отказаться?

— Мог.

— Почему не отказались?

Солдат посмотрел на него исподлобья.

— Потому что тогда меня бы поставили к стене.

— Это неправда.

Пленный снова сплюнул. На этот раз кровь попала на ножку стола.

— Значит, ты лучше знаешь.

— В вашем подразделении за отказ от участия в наступлении отправляли в тыловые части. За дезертирство — в исправительный батальон. Расстрел применяли только после

третьего нарушения.

Солдат молчал.

— Вы могли отказаться, — повторил Стиратель.

— Мог.

— Но не отказались.

— Не отказался.

— Почему?

— Потому что война уже шла.

— Это не ответ.

— Для тебя — нет.

Пауза затянулась. Он не стал её рвать.

Дым висел между лампами неподвижным серым слоем.

Пленный несколько раз сглотнул, потёр шею и снова посмотрел на дверь, хотя уже знал, что она не откроется.

Такое повторялось сотни раз. Приведённый сначала оценивал комнату, потом собеседника, потом собственные силы. После этого начинал искать правило, которое можно нарушить, слабость, которой можно воспользоваться, или слово, способное задеть.

Некоторые находили.

Большинство только убеждали себя, что нашли.

У него тоже были слабости, но ни одна из них не находилась в этом кабинете.

— Наш город бомбили, — сказал солдат.

— До вашего вступления в армию?

— Да.

— Кто?

— Вы.

— Я не бомбил ваш город.

Пленный криво усмехнулся.

— А мне легче?

— Это важно.

— Для тебя. Для меня нет.

Стиратель молчал.

— Вы все так делаете, — продолжил он. — Сначала бьёте по домам, потом спрашиваете, кто первый начал. Потом номера вешаете вместо имён и делаете вид, что это порядок.

— Я задаю вопросы.

— Нет. Ты чистишь себе совесть.

— У меня нет такой задачи.

— Врёшь.

Пленный резко поднялся.

Стул с металлическим скрежетом отлетел назад. Движение получилось быстрее, чем можно было ожидать от человека в таком состоянии, но всё равно слишком медленным. Он успел сделать один шаг, замахнулся правой рукой и потерял равновесие.

Стиратель просто сместился в сторону.

Кулак прошёл мимо лица, солдат ударился бедром о край стола и едва не рухнул. Он удержался, вцепившись обеими руками в металлическую поверхность, после чего снова попытался развернуться.

Стиратель взял его за повреждённое запястье.

Не резко и не сильно. Только надавил большим пальцем в нужное место.

Солдат выдохнул сквозь зубы и опустился на одно колено.

— Отпусти.

Стиратель не отпускал.

— Сломано, — сказал он. — Движение ещё сохранилось, но следующего удара кисть может не выдержать.

— Да пошёл ты.

— Можете попробовать ещё раз.

Солдат поднял на него глаза. В них не было унижения. Только злость, ставшая ещё чище и проще.

Стирателю это нравилось больше длинных речей.

Он отпустил руку, поднял стул и поставил его на прежнее место. Солдат некоторое время оставался на колене, тяжело дыша, а затем сам поднялся и сел.

— Закончили?

— Нет, — ответил тот.

— Тогда продолжайте.

— Встань ближе.

Стиратель вернулся на прежнее место.

Теперь между ними было меньше двух шагов.

Солдат посмотрел на расстояние, потом ему в лицо и коротко рассмеялся. Смех сразу перешёл в кашель. Он согнулся, зажал рот ладонью, а когда убрал её, на коже осталась кровь.

— Чего ты хочешь услышать? — спросил он. — Что я любил войну? Не любил. Что хотел убивать? Не хотел. Что нас с детства учили резать всех подряд? Не учили. Я работал на складе. Грузил ящики, менял фильтры, таскал всякое дерьмо. Потом прилетело в соседний дом. Потом ещё в один. Потом у нас воду отключили. Потом ваши умники пришли и сказали, что город всё равно придётся сдавать.

— Умники?

— Те, кто стоял чистый и объяснял грязным, как им правильно проиграть.

— Я их не присылал.

— Зато теперь ты здесь.

Стиратель не ответил.

— Удобно у вас всё устроено, — продолжил пленный. — Одни бомбят, другие считают, третьи потом сидят в кабинетах и спрашивают, почему человек взял оружие.

— Я спрашиваю не об этом.

— А мне плевать, о чём ты спрашиваешь. Мне тогда было важно, чтобы мать воду не пила из лужи.

Стиратель запомнил мать, но не стал спрашивать сразу. Родственники были удобным местом для давления, поэтому многие заранее готовились защищать их даже там, где опасности уже не существовало. Прямой вопрос заставил бы солдата закрыться.

— Что произошло потом?

— Потом я пошёл в часть.

— Сам?

— Сам.

— Значит, приказа не было.

Солдат провёл языком по разбитой губе.

— Не было.

— Почему соврали?

— Хотел проверить, докопаешься или нет.

Это тоже было ложью. Он не проверял. Он просто выбрал первый ответ, который снимал с него ответственность, а когда ответ не сработал, придумал объяснение.

Стиратель не стал указывать на это. Люди редко признавали ложь, если назвать её слишком быстро. Лучше было оставить её лежать между ними и вернуться позже, когда рядом появится ещё несколько таких же.

— Вам выдали оружие?

— Да.

— Обучили?

— Три дня.

— Этого недостаточно.

— Командованию хватило.

— Вы убивали?

Солдат уставился на него.

— Ты же всё знаешь.

— Я спрашиваю вас.

— Убивал.

— Сколько?

— Не считал.

— Примерно.

— Не считал, сказал же.

— Первого помните?

На этот раз ответ не последовал сразу.

Правая рука солдата снова сжалась. Не для удара. Пальцы просто собрались в кулак, будто внутри ладони оставалось что-то, что нельзя было выпускать.

— Помню.

— Кто это был?

— Враг.

— Мужчина или женщина?

— Мужик.

— Военный?

— Да.

— Вы видели оружие?

Солдат поднял голову.

— Ты к чему ведёшь?

— Вы видели у него оружие?

— Видел.

— До выстрела или после?

Пленный несколько секунд молчал, затем наклонился и плюнул Стирателю под ноги.

— Сам спроси у него.

Стиратель посмотрел на тёмное пятно на полу. Потом снова на солдата.

— Значит, после.

— Значит, после, — передразнил тот. — Доволен?

— Нет.

— А что так?

— Удовольствие не входит в мои обязанности.

— Конечно. Ты же не человек. Ты табличка на двери.

Стиратель слышал это раньше, хотя формулировки отличались. Машина. Пустой. Мёртвый. Ходячий протокол. Людям нравилось думать, что для такой работы необходимо перестать быть человеком. Это упрощало им разговор. С чудовищем можно было не искать общий язык.

Он не возражал.

Пусть выбирают удобное объяснение.

— Вы застрелили человека, не увидев оружия, — сказал он.

— Он полез рукой за спину.

— Возможно, сдавался.

— Возможно.

— Вас это беспокоило?

— Тогда нет.

— А сейчас?

Солдат криво усмехнулся.

— Сейчас меня беспокоит, что я не попал тебе в рожу.

— Это пройдёт.

— Не пройдёт.

— Пройдёт. Через час рука распухнет сильнее. Через два

вы не сможете ею двигать.

— Значит, ударю левой.

— Она тоже повреждена.

Солдат посмотрел на левую руку, будто впервые вспомнил о ней.

— Тогда головой.

Стиратель подошёл ближе.

Теперь между ними оставалось меньше шага. Пленный мог податься вперёд и ударить лбом, если бы решился. Он действительно напряг шею, но не двинулся.

Не из страха.

Он понял, что Стиратель этого ждёт.

— Почему не бьёте? — спросил тот.

— Не хочу тебя радовать.

— Чем?

— Тем, что ты угадал.

Стиратель едва заметно приподнял бровь.

Это была первая реплика солдата, которую стоило запомнить дословно.

— Что именно?

— Что я простой. Что у меня кроме кулаков ничего нет. Ты этого ждёшь, да? Чтобы я рычал, плевался и лез драться. Потом запишешь, что мы все такие.

Стиратель молчал.

— Не запишешь?

— Возможно, запишу.

Солдат снова усмехнулся.

— Тогда иди сюда. Я тебе ещё материала дам.

— Вы уже дали достаточно.

— За полчаса целый народ понял?

— Мне не нужен целый народ. Мне нужны повторяющиеся причины.

— Какие ещё причины?

— Те, которыми человек оправдывает то, что сделал.

Солдат откинулся на спинку стула. Она скрипнула под его весом.

— Я ничего не оправдываю.

— Вы начали с приказа.

— Ну и что?

— Потом заговорили о городе.

— Его бомбили.

— После города появилась мать.

— Она там жила.

— А первым человеком, которого вы убили, оказался вооружённый враг, хотя оружие вы увидели только после выстрела.

Солдат смотрел на него тяжёлым взглядом.

— Ты всё переворачиваешь.

— Я только повторяю ваши слова.

— Нет. Ты их складываешь как тебе удобно.

— Поэтому вы здесь.

Пленный подался вперёд всем корпусом. Левая рука оста-

лась лежать на столе, тяжёлая и почти чужая, а правая медленно сжалась на краю сиденья.

— И что теперь? Из-за меня всех сотрут?

— Решение не принимается по одному человеку.

— Тогда зачем я здесь?

— Чтобы понять, что останется, если убрать ваше название, язык и историю.

— Люди останутся.

— Какие?

— Обычные.

— Обычных людей не бывает.

— Бывают. Ты просто слишком долго сидишь в этой дыре.

Стиратель оглядел кабинет, словно проверяя слова пленного. Две лампы, стол, стул, старая дверь и бетонные стены. Он действительно провёл здесь значительную часть жизни. Дольше, чем в любом доме, который когда-либо называл своим.

Кабинет не казался ему дырой.

Здесь всё находилось на своём месте и служило понятной цели. За дверью начинался мир, в котором люди говорили одно, подразумевали другое, а делали третье. Здесь расстояние между словами и поступками постепенно сокращалось.

Поэтому он любил свою работу.

Не людей, не власть над ними и не окончательное решение. Ему нравился момент, когда человек уставал поддерживать выбранную версию себя и начинал говорить проще.

Иногда для этого требовались часы.

Этот солдат приближался к нужному состоянию быстрее.

— Что для вас ваш народ? — спросил Стиратель.

— Опять умные вопросы.

— Ответьте просто.

— Люди, с которыми я жил.

— Этого недостаточно.

— Мне хватает.

— Вы знали всех?

— Нет.

— Значит, не только они.

Солдат раздражённо вытер кровь с подбородка.

— Земля.

— После Стирания земля останется.

— Дома.

— Останутся.

— Могилы.

— Их не тронут.

— Тогда какого хрена вы стираете?

Стиратель посмотрел ему прямо в глаза.

— То, из-за чего вы считаете эти дома, землю и могилы своими, а чужие — менее важными.

Солдат замер.

Не потому, что ответ его убедил. Скорее искал, куда ударить теперь, когда руками не получилось.

— А ты своё так не считаешь?

— У меня нет своего народа.

— Врёшь.

— Нет.

— У всех есть.

— Не у всех.

— Значит, твой уже стёрли.

В кабинете стало тише.

Стиратель не изменился в лице и не отвёл взгляд. Солдат продолжал смотреть на него, ожидая реакции, но не дождался.

Тогда он улыбнулся разбитыми губами.

— Попал.

— Нет.

— Попал, — повторил он. — Я же вижу.

— Вы видите то, что хотите увидеть.

— Так и ты.

Хозяин кабинета отметил ответ.

Не потому, что пленный оказался прав. Такие слова нередко произносили случайно, надеясь задеть хоть что-нибудь. Но иногда случайный удар попадал туда, где человек сам не ожидал найти слабое место.

Он достал из внутреннего кармана тонкий чёрный фонарь.

Солдат проследил за движением.

— Это ещё что?

— Проверка.

— Какая?

Стиратель нажал кнопку и направил невидимый ультрафиолетовый луч ему на лоб. Под холодным свечением кожи над левой бровью проступили тонкие линии скрытого знака.

Солдат попытался поднять глаза, словно мог рассмотреть собственный лоб.

— Что там?

Стиратель прочитал нанесённые данные: происхождение, статус военнопленного, принадлежность к нации и номер дела.

Под ультрафиолетом знак выглядел почти красиво. Тонкий круг, короткие лучи, точка в центре. Старое солнце, которое раньше, вероятно, вышивали на знамёнах, рисовали на дверях и ставили на детских игрушках.

Теперь им метили тех, кого ещё не стёрли.

— Что там? — спросил солдат.

— Солнце.

Пленный попытался поднять глаза, словно мог увидеть собственный лоб.

— Какое ещё солнце?

— Ваше.

— Сотри.

— Пока нельзя.

Солдат дёрнулся, но тело не послушалось. Правая рука соскользнула с края стола, левая так и лежала рядом, тяжёлая и почти чужая.

— Что вы мне на лоб налепили?

— Не вам. На вас.

— Одно и то же.

— Нет.

Он выключил фонарь. Знак исчез, и перед ним снова осталось обычное лицо: разбитое, злое, грязное, упрямое.

Но теперь Стиратель уже смотрел не на лицо.

Он собирал вывод.

Не в протокол.

Протокол появится позже: сухой, ровный, пригодный для архива.

Сейчас оставались только связи.

Город.

Вода.

Мать.

Первый выстрел.

«Ваши».

Не приказ. Не гимн. Не язык. Не имя.

Обида.

Вот что держало этого человека крепче всего. Не гордость и не вера, а простая, грязная обида человека, который однажды увидел, как его дом стал чужой целью, а потом ему объяснили, что он неправильно помнит, неправильно злится и неправильно называет виновных.

Стиратель отметил это без удовольствия и без жалости.

Не символ. Не название. Не клятва. Право считать боль

своей.

— Ну? — спросил солдат. — Насмотрелся?

— Да.

— И что записал?

— Основное.

Пленный хрипло усмехнулся.

— Основное? Это что, меня стирать будешь?

Стиратель не ответил.

Он смотрел внимательно, но уже не на лицо. Лицо закончилось. Разбитая губа, грязная кожа, кровь на подбородке, злость в глазах — всё это было верхним слоем, шумом, оболочкой.

Под ним данные ещё собирались.

Не в протокол. Протокол появится позже: сухой, ровный, пригодный для архива. Сейчас оставались только связи.

— Чего молчишь?

Ответа не было.

— Что с нами будет? Отвечай, урод.

Стиратель моргнул один раз. Узор внутри памяти закрепился.

— Вы будете жить, — сказал Стиратель.

Пленный моргнул.

— Что?

— Вы. Ваша мать. Остальные.

— Не трогай мать.

— Её не тронут.

Солдат ещё секунду смотрел на него, не понимая, почему от этих слов стало не легче, а хуже.

— Тогда что ты несёшь?

Стиратель подошёл ближе. Не быстро. Без угрозы. Просто сократил расстояние так, что солдату пришлось поднять голову.

— Когда всё закончится, вы сможете вспомнить её лицо.

Пленный перестал дышать ровно.

— Сможете вспомнить дом. Улицу. Воду, которую она пила. Даже этот разговор, если его оставят.

— Если?

— Но вы не поймёте, почему это должно держать вас вместе.

Солдат попытался подняться. Правая рука соскользнула с края стола, левая дёрнулась и тут же снова обмякла.

— Что ты сказал?

— Вас не нужно ломать.

Стиратель посмотрел на его лоб, где под обычным светом уже не было видно ничего.

— Вас нужно разъединить.

За дверью слышались шаги.

Солдат услышал их тоже. В этот раз он посмотрел туда не со злостью и не с надеждой. Что-то в нём успело понять раньше слов.

— Эй, — сказал он тише. — Погоди.

Стиратель молчал.

— Погоди, сука. Что значит разъединить?

Дверь открылась. Вошли конвойные.

— Что значит разъединить?!

Его подняли со стула. Правая рука ещё пыталась сопротивляться, левая висела бесполезно. Он дёрнулся, но тело уже не слушалось. Злость осталась. Под ней впервые показался страх.

— Эй, — сказал он уже тише. — Ты не ответил.

Дверь начала закрываться.

Голос ещё прорвался из коридора, глухой, сорванный, уже не злой до конца:

— Я всё равно вспомню!

Засов встал на место.

В кабинете снова остались стол, две лампы и плохой воздух.

Стиратель посмотрел на пустой стул и сделал последнюю внутреннюю отметку.

Страх появился не после угрозы смерти.

После слова.

Глава 2 - Женщина

Кабинет встретил его тем же воздухом, тем же светом и тем же пустым стулом под лампами.

Словно первой беседы не было.

Только у ножки стола остался тёмный размазанный след. Уборочная система почему-то ещё не вывела его.

На столе кровь исчезала быстро.

С пола — хуже.

Следы от слов не исчезали совсем.

Стиратель остановился у стола, провёл взглядом по металлической поверхности, по стулу, по старой двери и только потом вернулся на своё место. Он не сел. Как и прежде, стул в кабинете был один.

После первого разговора воздух казался плотнее.

Не от дыма.

Просто солдат уже лёг внутрь — не словами, а связями.

Но он ещё не стал решением.

Солдат дал только сырой контур. Злость, боль, право на своё, привычка видеть в победителях одно большое «вы». Всё это могло оказаться частностью — грязью одного человека, а не формой целой нации.

Узор только начинал проступать.

По одному человеку не резали.

Нужен был следующий.

Другой. Чище на словах, осторожнее в жестах, выше по прежней лестнице. Тот, кто будет защищаться не кулаком, а правом, памятью и привычкой командовать даже тогда, когда командовать уже некем.

Часов в кабинете не было.

Время здесь не отсчитывали.

Те, кого приводили, начинали замечать каждую лишнюю секунду: дым, лампы, пустой стул, молчание, собственное дыхание. Для Стирателя всё это было не ожиданием, а частью работы.

Он прислонился плечом к стене и закрыл глаза.

Не для отдыха.

Внутренняя память продолжала собирать форму. Не слова, не ругань и не кровь на губах. Всё лишнее осыпалось. Оставался узор.

За дверью наконец послышались шаги.

На этот раз они были другими. Не тяжёлыми, не сбитыми. Почти ровными. Мягкими. Слишком спокойными для места, куда приводили людей перед решающей беседой.

Засов отодвинули.

Дверь открылась медленно, с тем же старым скрипом, который после первого допроса уже казался частью протокола.

В кабинет вошла женщина.

Двое конвойных шли за ней, но не держали под руки и даже не приближались слишком сильно. Между ними оставалось больше двух метров — много для сопровождения и

почти неприлично много для заключённой. Значит, она не пыталась бежать, не дралась и не нуждалась в том, чтобы её тащили.

Или же конвойным заранее велели не прикасаться без необходимости.

Такое тоже бывало.

Женщина была высокой, почти одного роста со Стирателем, и держалась так, будто вошла не в кабинет для беседы, а в чужой служебный зал, где ей придётся выслушать неприятную, но временную формальность. Тёмно-серый деловой костюм сидел строго, волосы были собраны сзади, лицо оставалось бледным и сухим, без косметики, без слёз, без попытки выглядеть слабее.

На запястьях не было стяжек.

На воротнике — след от снятого знака должности.

Это он заметил сразу.

Так снимали не украшения. Так снимали принадлежность к системе, чтобы человек понял: прежняя высота закончилась до того, как он вошёл в комнату.

Женщина тоже это понимала.

И всё равно вошла прямо.

Конвойные остановились у двери.

Она не посмотрела на них. Сначала оценила стол. Потом стул. Потом лампы. Потом старую дверь. Только после этого — Стирателя.

Не испуганная.

Злая.

Но злость у неё была другого сорта. Не горячая, не прямая, не готовая сразу ударить кулаком в лицо. Эта злость умела ждать, выбирать слова и оставлять противнику место, где он сам должен будет ошибиться.

Значит, давить сразу было нельзя.

Женщина остановилась перед стулом, но не села.

— Сюда я не сяду.

Голос был ровный, чуть хриплый.

Он даже не посмотрел на стул.

Она ждала возражения, приказа, угрозы или хотя бы жеста в сторону стула. Ничего не получила.

— Я знаю свои права, — продолжила она. — И конвенции, которые вы подписали. Вы не имеете права проводить беседу без представителя наблюдательной комиссии. Не имеете права скрывать протокол. Не имеете права обращаться ко мне по номеру. Не имеете права...

Стиратель посмотрел мимо неё, на конвойных.

Едва заметный жест правой рукой.

Те развернулись и вышли.

Дверь закрылась.

Засов встал на место с тяжёлым щелчком, который всегда звучал одинаково, но для каждого человека означал разное.

Женщина замолчала на полуслове.

Вот теперь началось.

Стиратель перевёл взгляд на неё.

— Продолжайте.

Она чуть прищурилась.

— Что?

— Вы перечисляли, чего я не имею права делать.

Женщина несколько секунд смотрела на него, будто пыталась понять, насмехается он или нет.

Он не насмехался.

— Вы обязаны назвать себя.

— Нет.

— Обязаны.

— Нет.

— Тогда я не буду говорить.

— Уже говорите.

Женщина усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— Это вы так людей ломаете? Цепляетесь к словам?

— Нет.

— Тогда что вы делаете?

— Слушаю, с чего человек начинает.

Она чуть прищурилась.

— И с чего начала я?

— С правил.

— Это плохо?

— Это удобно.

— Для вас?

— Нет. Для вас. Вы всё ещё думаете, что порядок это глав-

ное.

Женщина всё ещё стояла. Стул оставался пустым между ними, как предложенная слабость, от которой она демонстративно отказалась.

Это тоже было первым ответом.

Солдат сел потому, что тело уже не могло держать его стоя. Женщина стояла потому, что всё ещё хотела выбирать хотя бы форму поражения.

Стиратель это отметил.

— Человек номер два, — произнёс он.

— У меня есть имя.

— Здесь нет имен.

На её лице не дрогнула ни одна мышца. Хорошая школа. Высокая должность или очень долгая привычка не показывать, куда попали.

— Вы можете стереть его из папки, — сказала она. — Но не из меня.

— Это неточно.

Теперь она наконец посмотрела на стул.

Не села.

Но посмотрела.

— Вы угрожаете?

— Уточняю.

— Значит, всё правда.

— Что именно?

— Что вы не допрашиваете. Вы выбираете, где резать.

Стиратель впервые чуть внимательнее посмотрел ей в глаза.

Не из-за фразы.

Из-за того, как она её произнесла.

Без отвращения.

Почти профессионально.

— Вы говорите это так, будто понимаете процедуру.

Женщина не отвела взгляда.

— Я понимаю власть.

— Это не одно и то же.

— Для тех, кто сидит за столом, — возможно.

— А для тех, кто напротив?

Она чуть заметно усмехнулась.

— Те, кто напротив, обычно поздно начинают разбираться в терминах.

Он дал паузе лечь.

Отметка закрепилась.

Не страх. Не ненависть. Не попытка спрятаться за конвенциями.

Привычка смотреть на чужую беду как на порядок вещей.

— Вас не казнят, — сказал он.

— Я знаю.

— Почему?

Женщина медленно провела ладонью по спинке стула, словно проверяла пыль, и наконец села.

Ровно.

Спину не откинула.

Руки положила на колени.

Никаких лишних движений.

— Потому что вы не убиваете.

— Это не главное.

— Здесь — главное.

— Откуда такая уверенность?

— Мёртвые вам не нужны.

Ответа не последовало.

Он сделал два шага назад. Не отступил — просто убрался с той линии, на которой она ждала его увидеть. Её злость стояла в комнате плотнее дыма.

Он почти чувствовал её движение. Не лицом, не кожей и не теми словами, которые она подбирала. Слова были верхним слоем. Они служили ей так же, как костюм, собранные волосы и ровная спина. Настоящее шло глубже.

Презрение.

Расчёт.

Обида на сам факт, что её заставили сидеть здесь.

И страх, который она пока держала ниже всего, под тяжёлой крышкой привычки командовать.

Стоило ей сесть, и всё это будто получило форму. Пока она стояла, в ней ещё оставалось движение, выбор, остаток права на жест. На стуле выбор сужался. Кабинет делал своё дело без приказов.

Женщина тоже это заметила.

Сначала — расстояние.

Потом — его молчание.

Потом — то, что он не собирается перебивать.

Её верхняя губа чуть дёрнулась. Не улыбка. Проверка.

— Вернёмся к моим правам, — сказала она. — Раз уж вы предпочитаете называть происходящее беседой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.